

Д. И. ЧИЖЕВСКИЙ ОБ УКРАИНСКО-РУССКИХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ (К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Элла Григорьевна Задорожнюк —
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник, заведующая отделом современной
истории стран Центральной и Юго-Восточной
Европы, Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: elzador46@mail.ru

Аннотация

Рассматривается творчество Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977), именуемого «Нестором славистики», его филологическая и философская полномасштабность. Ему присуща ориентированность на культурное единение народов — славянского ареала, Европы в целом, всего мира. Чижевский подчеркивал безальтернативность культурного единения в любое историческое время для каждого из народов. Анализируется содержание двух его фундаментальных трудов, в значительной мере затрагивающих проблематику украинско-русского межкультурного взаимодействия: работы по истории украинской литературы и по рецепции философии Гегеля представителями славянских народов. Отмечено, что Чижевский с большим вниманием относился к проявлениям русской общественной мысли. Он считал, что идущая от Г. Сковороды линия на «кардоцентричность» (сосредоточенность не только на ходах мысли, но и движениях сердца), переданная «малороссом» П. Юркевичем своему ученику В. Соловьеву, приемлема и для русского философствования в будущем. На некоторых участках нынешней духовной жизни «бои за Чижевского» не только продолжаются, но и интенсифицируются, хотя надо не столько сражаться за него, сколько изучать его наследие в сфере славистики. Чижевский строго научно доказывал: эволюция «духа» любой славянской нации непредставима без учета его общеславянских и общеевропейских связей, для него плодотворная дифференциация и взаимное оценивание культур идут через расшифровку кода одной из них путем креативной сочетаемости с кодами других. 125-летний юбилей Д. И. Чижевского напоминает, что он как великий ученый-славист политичен лишь в выявлении продуктивности межкультурных связей.

Ключевые слова

Культурное единение народов, славянский мир, межкультурное взаимодействие, «маятник Чижевского», германославика, «кардоцентричность»

Статья поступила в редакцию 28 марта 2019 г.

DMITRY I. CHIZHEVSKY ABOUT THE UKRAINIAN-RUSSIAN CROSS-CULTURAL COMMUNICATIONS (TO THE 125TH ANNIVERSARY SINCE HIS BIRTH)

Ella G. Zadorozhnyuk

D. Sc., Lead Researcher, Head of the Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A, Moscow, 119334, Russia
E-mail: elzador46@mail.ru

Abstract

The full philological and philosophical impact of the work of Dmitry Ivanovich Chizhevsky, sometimes called the “Nestor of Slavic studies”, is considered in this work. His work is characterised by a focus on the cultural unity of peoples – the Slavic area, Europe as a whole, and the whole world. Chizhevsky emphasised the lack of alternative cultural unity at any historical time for any of these peoples. The contents of two of his most important works that reference perspectives on Ukrainian-Russian cross-cultural interaction are analysed: his works on the history of Ukrainian literature and on the reception of Hegel’s philosophy by representatives of the Slavic people. It is noted that Chizhevsky was very attentive to manifestations of Russian social thought. He considered that the “cardiocentric” philosophy (focusing not only on lines of thought, but also on movements of the heart), which started with Grigory Skovoroda and was transferred by “little Russian” Pamfil Yurkevich to his apprentice Vladimir Solovyov, was acceptable for Russian philosophizing in the future. In some areas of current spiritual life, “fights for Chizhevsky” not only continue, but are intensifying, although it is not battling for him that is needed, but studying his heritage in the sphere of Slavic philology. Chizhevsky strictly scientifically proved: the evolution of the “spirit” of any Slavic nation is not possible without consideration of all its Slavic and European ties; for him, fruitful differentiation and mutual evaluation of cultures requires that the code of one culture needs to be interpreted by comparison with others. On his 125th anniversary, Dmitry I. Chizhevsky reminds us that he, as a great Slavic scholar, was “political” only in the identification of the importance of cross-cultural communications.

Keywords

Cultural unification of the people, Slavic world, cross-cultural interaction, “Chizhevsky’s pendulum”, Germanic and Slavic studies, “cardiocentricity”

Received 28 March 2019.

Творчеству Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977), именуемого «Нестором славистики», масштаб научной деятельности которого раскрывается лишь в настоящее время, присуща ориентированность на культурное единение народов славянского ареала, Европы в целом и всего мира. Вынужденная фрагментарность многих его трудов, детерминируемая

во многом бездомностью мыслителя, только четче очерчивает широту его разработок в сфере, в первую очередь, славистики и славянского мира в целом. В том, что рассмотрение его творчества важно особенно сегодня, – в частности, с учетом непростых отношений между Украиной и Россией – убеждать не приходится. Чижевский, на личной судьбе испытавший последствия многих подобного рода разломов, включая разлом между германским и славянским мирами, все же был убежден в безальтернативности культурного единения народов в любые исторические времена.

Судя по его биографии, Чижевский должен был стать ярким антагонистом русскости, принявшей форму советскости, в очень многих точках своего жизненного пути и социально-политической траектории. Родился он 125 лет тому назад, 23 марта (4 апреля) 1894 г. в городе Александрии Херсонской губернии (умер 18 апреля 1977 г. в ФРГ, в Гейдельберге). Его отец был по происхождению польским шляхтичем, но проявлял склонность к русскому народничеству, мать – русская дворянка, не разделявшая взглядов мужа, учившаяся живописи у И. Е. Репина. Но мало кто из мыслителей XX в. сделал столь много для украинистики («украинознанства»). А поскольку все его исследования поистине академичны, они по самой своей сути не могли игнорировать факторы историко-культурных связей Украины и России в контекстах всего славянского мира.

Замечу, что выражение «Чижевский и славянский мир», как отражающее широту и глубину его разработок в области славистики, так и утверждающее богатую продуктивность культурных связей между славянскими народами, чаще используется украинскими историками-славистами – И. Валявко, И. Федорив, О. Блажквив и Р. Мнихом¹ (двое последних работают в Польше), которые отметили, что дружба Чижевского со многими деятелями русской культуры строилась на их общей любви к Ф. Тютчеву и интересе к творчеству Ф. Достоевского. Многие сюжеты, связанные с наследием Чижевского, разрабатывались специалистами Института славяноведения РАН (Л. А. Софроновой, Г. П. Мельниковым, А. В. Липатовым и др.), однако в наши дни, на новом историческом витке

¹ *Валявко І.* Дмитро Іванович Чижевський: біографічний нарис // Дмитро Іванович Чижевський і його сучасники. Листи, спогади / ред. І. Валявко, О. Чуднов, В. Янцен. Кіровоград: Imeks-LTD, 2013. С. 23–88; *Федорів І.* Внесок Дмитра Чижевського у розвиток європейського слов'янознавства // Україна–Європа–Світ. Міжнародний збірник наукових праць. Серія: Історія, міжнародні відносини / гол. ред. Л. М. Алексієвць. Тернопіль: ТНПУ, 2013. Вип. 12. С. 123–137. [online]. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Ues_2013_12_16 (дата обращения: 11.06.2018); *Blashkiv O., Mnych R.* Дмитрий Чижевский versus Роман Якобсон // *Opuscula Slavica Sedlcensia.* / Ed. R. Bobryk. Siedlce T. VI., 2016. URL: <https://repozytorium.uph.edu.pl/bitstream/handle/11331/1378/Opuscula-VI-29.11-1.pdf?sequence=1> (дата обращения: 13.11.2018).

развития двух славянских государств, многие наработки Чижевского в плане украинско-русского межкультурного взаимодействия приобретают повышенную актуальность.

Чижевский в 1918 г. избирался от общероссийской фракции меньшевиков в Центральную Раду, и его кандидатура рассматривалась на пост министра труда в украинском правительстве. Вместе с тем в начале 1918 г. он голосовал в Центральной Раде против полной независимости Украины, придерживаясь позиций федерализма. После ряда скитаний по Украине он отошел от установок и на политизированное украинство, и на меньшевизм, поставив на первое место академические исследования. Чижевский начал изучать корни украинской культуры, не создав поначалу научной школы, но повлияв на практически всех ученых-украинистов.

Отношения Чижевского с украинской диаспорой в любой из стран его пребывания были крайне непростыми. Некоторые соотечественники признавали его заслуги; он переписывался с ними, даже с разделявшими националистические идеи. Другие упрекали его в космополитизме и отсутствии национально-патриотических чувств. «Интересно, что в то время, как определенные круги украинской диаспоры критиковали работы Чижевского за отсутствие четкой национальной позиции, советские ученые видели в нем украинского националиста, который постоянно стремился продемонстрировать приоритет украинской культуры над русской, и, в свою очередь, критиковали его за это»². Современный американский славист и востоковед О. Прицак в воспоминаниях писал: «К тем, кто старался переубедить молодежь, обращаясь к проблемам духовной истории, принадлежал и Дмитрий Чижевский. Поэтому его имя попало в список врагов украинского национального движения»³. Но это, по мнению ученого, и была лучшая служба «украинству».

Будучи студентом историко-филологического факультета Киевского университета (учебу он начинал в Петербургском университете, причем на естественном факультете), Чижевский разделял идеи меньшевиков, что, кстати говоря, помогло ему избежать расстрела большевиками за поддержку правительства П. Скоропадского.

В 1921 г. Чижевский нелегально пересек польскую границу, с теми же проклятиями «советскости», вынудившими его свернуть преподавательскую деятельность в женской гимназии в Киеве. После Польши – Чехословакия,

² *Валявко І.* Інтелектуальна біографія Дмитра Чижевського: спроба наукової ретроспективи // *Чижевський Д.* Філософські твори у 4-х тт. Київ: Смолскип, 2005. Т. 1. С. XXIX–XXX.

³ *Чижевський Д. И.* Избранное. В 3 Т. Материалы к биографии (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. Янцена; коммент. В. Янцена, И. Валявко, В. Кортхаазе. М.: Библиотека-фонд Русское Зарубежье; Русский путь, 2007. Т. 1. С. 339.

где он стал членом Пражского лингвистического кружка и профессором Украинского педагогического университета им. М. Драгоманова – во многом равновеликого ему ученого. В Праге Чижевский издал книги: «Філософія на Україні» (1926); «Г. С. Скворода и немецкая мистика» (1929); «Нариси з історії філософії на Україні» (1931) (ключевое слово уже без мягкого знака); статьи по творчеству Достоевского: «К проблеме “Двойника”» (1931) и «Достоевский-психолог» (1932). В Праге же в военные годы вышла его «Історія української літератури» (1942; неоднократно переиздавалась на украинском языке).

В Германии Чижевский постоянно расширял поле своих исследований. Его научные интересы затрагивали сюжеты истории и культуры всех славянских народов: он заслуженно получил в профессиональной среде уже упомянутый титул «Нестора славистики», разработал предметную область, обозначенную им как «германославика», освещая немецкое влияние на славянские культуры и наоборот. С конца 1920-х и до конца 1940-х годов Чижевский преподавал в немецких университетах, будучи, в частности, сослуживцем М. Фасмера, создававшего этимологический словарь русского языка. К национал-социализму относился сдержанно и даже подвергался ограничениям в академической деятельности в сфере германославистики, в частности, из-за своей жены-еврейки, эмигрировавшей в США. Парадоксально, однако, что в 1949 г. он по доносу немецких коллег был обвинен оккупационными властями в сочувствии коммунизму. Больше абсурдности трудно придумать: Чижевский ведь нелегально покинул свою родину, а его труды там были преданы почти полному забвению. С 1949 по 1956 г. Чижевский работал в Гарвардском университете, после чего вернулся в Германию.

В чем же заключается главная особенность работ Чижевского по украинско-русскому межкультурному взаимодействию? В том, что, приступая к анализу любой проблемы указанного взаимодействия и комплексно описывая каждый феномен, он абстрагировался от тех политических противоречий, которые не позволяли выяснить всю полноту этих связей. Это касается и роли русской культуры в становлении не только художника, но и поэта Т. Шевченко, и анализа специфики творчества Н. Гоголя, и комплексного описания феноменов барокко (прежде чем стать нарищкинским, оно именовалось украинским), и рецепции взглядов Гегеля отечественными мыслителями в России и на Украине. Одновременно подчеркивалось и место этих связей в широком поле связей межславянских, да и общеевропейских.

В научно корректной вводной статье к четырехтомнику его работ на украинском языке отмечалось, что часть украинской диаспоры, которая

считала главной первоочередную пропаганду украинской культуры, с осуждением воспринимала некоторые работы Чижевского, направленные на исследование русской духовной жизни, упрекая его в космополитизме и отсутствии национально-патриотических чувств.

Чижевскому принадлежит заслуга создания двух фундаментальных трудов, в значительной мере затрагивающих проблематику украинско-русского межкультурного взаимодействия в очень широком контексте. Первый – работа по истории украинской литературы, лишь в последнее время привлекающая внимание отечественных исследователей. Второй – по рецепции философии Гегеля представителями двух крупнейших славянских народов – более известен. Этот труд представляется славистическим исследованием, поскольку Чижевский анализировал не только рецепцию Гегеля отечественными мыслителями, но и ее широкие культурные импликации.

Прежде чем рассматривать историю украинской литературы Чижевского в ракурсе ее межкультурных связей, отмечу его методологическое новшество, значимое для многих славистических разработок и сегодня.

Известно, что однофамилец Д. И. Чижевского Александр Леонидович изобрел «люстру Чижевского» – прибор для ионизации воздуха. Дмитрий Иванович, в свою очередь, ввел в литературоведение и искусствознание понятие «маятник Чижевского», объясняющее феномен чередования типов или стилей культуры после Ренессанса. При этом если к «объективным» стилям он относил классицизм и реализм, то к «субъективным» – барокко, романтизм и модернизм. Эвристический потенциал «маятника», в первую очередь, в славистических исследованиях, далеко не исчерпан.

Одна из ключевых тем на поле межкультурных украинско-российских, всеславянских и общеевропейских связей – барокко. Этот стиль изучался Чижевским особо пристально; некоторые друзья и коллеги даже считали его самого «барочным мыслителем», подразумевая при этом грандиозность его научных замыслов при тщательной отделке их деталей. Важнее другое: Чижевский выявил моменты взаимообогащения барочных мотивов в двух культурах, при этом именно «малороссы» писали пышные барочные творения, перебираясь в церкви Петербурга и Москвы, а также во многие монастыри по всей России.

Если вспомнить концепт «маятника Чижевского», то именно ему принадлежит наиболее тщательное рассмотрение одного из его колебаний в сторону барокко. На это обращали внимание практически все исследующие творчество Чижевского историки-слависты, в первую очередь чешские. Отечественные же исследователи подчеркивали, что проанализированная

преемственность украинских и русских барочных мотивов открывает новую перспективу анализа циркуляции культурных потоков в целом.

Примечателен и комментарий Чижевского: он утверждал, что именно на его работы по барокко украинские и российские исследователи не обращали внимания – причем не столько жаловался на это, сколько констатировал данный удручающий, по его мнению, для славистических исследований факт. Его демонстративный отказ сделать доклад на международной встрече славистов в Праге в августе 1968 г. был связан как раз с проблематикой общеславянского барокко.

Чижевским написано не менее десяти трудов о Г. Сковороде, интерес к творчеству которого не угасал на протяжении всей жизни исследователя. Примечательно, что предок слависта П. Чижевский был отобран в хор для императрицы Елизаветы, и вполне возможно, что там он встречался со Сковородой.

Детально исследуя его поэтическое творчество, Чижевский идентифицировал поэта и мыслителя XVIII в. как носителя барочного начала и предромантизма. Особо выделялась его установка на кардоцентричность – убеждение, что в поисках истины нужна сосредоточенность не только на логике, но и на движениях сердца; позже Чижевский выявил ее значимость в трудах П. Юркевича, начиная с его работы «Сердце и его значение в духовной жизни человека»⁴.

Постоянно подчеркивалось Чижевским, что творения «малороссийского старчика» о метафизике сердца были понятны и «великороссам». Правда, одним из первых, считал Чижевский, на ее место в целостном творчестве Сковороды обратил внимание В. Эрн, русский философ с немецкими этническими корнями. Примечательно, что один из последних творческих замыслов Чижевского сводился к анализу творчества Андрея Белого, в частности, его романа «Петербург», главный герой которого нашел наконец-то умиротворяющие его мысли как раз в творениях Сковороды.

Столь же «деликатен» Чижевский и в пунктах пересечения различных мыслеформ. Возьмем, к примеру, его блистательный доклад «Г. С. Сковорода и немецкая мистика», извлечения из которого были опубликованы в 1929 г. в русскоязычном издании⁵. В нем демонстрируется, что тот же кардоцентризм присущ таким немецким мистикам, как Себастьян Франк (1499–1552) и Яков Бёме (1575–1624), а мистическое начало «сумрачного германского гения» отыскивается в мыслях украинского «старчика» (как

⁴ См.: Юркевич П. Д. Философские произведения. М.: Издательство «Правда», 1990. С. 69–103.

⁵ См.: Русский народный университет. Научные труды. Прага: Русский институт, 1929. Т. II.

именовали Сквороду). Кроме этого, есть еще одно персонифицированное и отдаленное по времени место встречи этих начал, считает Чижевский. Это поэзия Р. М. Рильке, тоже сочетавшая мистичность и кардоцентризм (правда, на мой взгляд, они брались и из русской литературы, бывшей для немецкого поэта духовной святыней).

Отдельного рассмотрения требует оценка Чижевским роли Т. Шевченко в украинской литературе. Его принято относить к представителям украинского и всеславянского романтизма (данная тема детально разработана современным исследователем)⁶. Следует, правда, помнить и то, что украинский поэт все же был близок к русским революционным демократам⁷.

Чижевский больше внимания уделял, с одной стороны, тому, что поэзии Шевченко присущ «романтический (а тем самым обусловленный временем) характер»⁸, а с другой – его связи с современными мыслителями Запада (статья 1931 г. «Шевченко і Давид Штраус»). Чижевский неоднократно подчеркивал, что Шевченко «порывал с тогдашней частично русофильской традицией украинской политической мысли»⁹. О пророческом пафосе поэта он писал редко, хотя и убедительно, но в малодоступных изданиях.

Примечательно рассмотрение Чижевским творчества И. Котляревского, соотносимого им с периодом классицизма в истории украинской литературы. Поэт – автор «Энеиды», написанной в 1798 г., – следовал русскому поэту Н. Осипову, выпустившему свою «Энеиду» в 1791 г., а также ряду иноязычных «Энеид». Но лишь украинскоязычная ее версия стала фактом большой литературы – за счет обновленного языка, считал Чижевский; она чаще читается в русском переводе, чем творение Осипова.

Чижевский постоянно подчеркивал, что тема украинства никогда не исчезала в русской литературе, причем в ее разных политически ориентированных интерпретациях. Так, К. Рылеев подчеркивал противостояние имперским началам, выбирая в качестве героев своих произведений Войнаровского, Наливайко и даже Мазепу. В свою очередь, Н. Гоголь в «Тарасе Бульбе» призывал к «русскому товариществу». В польской литературе была школа «хлопоманов», романтически описывавших как раз украинство, более того, запустивших процессы поиска его культурной идентичности, к примеру, в открытом в 1804 г. Харьковском университете – и они давали свои интерпретации этого феномена.

⁶ См.: *Нахлік Є. К.* Доля – los – судьба: Шевченко і польські та російські романтики. Львів: Ліга-Прес, 2003.

⁷ *Задоржнюк Э. Г.* «Русской земли человек замечательный». К 200-летию юбилею Т. Г. Шевченко // Свободная мысль. 2014. № 2. С. 171–184.

⁸ См.: URL: <http://litopys.org.ua//czyzh.czy32> (дата обращения: 28.02.2019).

⁹ Там же.

Н. Гоголь постоянно находился в поле внимания Чижевского-исследователя, показывавшего тончайшее перетекание присущих лишь ему языковых средств «малороссийства» в русскую литературу; ранее это было присуще произведениям Сковороды и Котляревского.

Чижевский не поленился перечислить частоту употребления слова «даже» в «Шинели» Гоголя. Из этого анализа он вывел оригинальнейшую трактовку всего творчества великого писателя, отдав должное и его «петербургизированному малороссийству», и ориентации на русскую культуру, и поиску устоев общечеловеческой духовности. Отечественный исследователь Ю. Барабаш отметил: «Фактически Чижевский положил начало деполитизации, деидеологизации гоголевской темы в зарубежном украинском литературоведении, подчеркнув момент его “духовного одиночества”»¹⁰.

Одна из статей о «духовном одиночестве» этого «малороссиянина в Петербурге» появилась в издававшемся в Нью-Йорке русскоязычном «Новом журнале» (1951. № 27), а труд «О чешскости Коменского» был опубликован там же в 1942 г., когда между Германией, где находился в то время его автор, и США шла война.

В «Истории украинской литературы» Чижевский постоянно подчеркивал позитивность воздействия русской литературы XIX века на украинскую, хотя и отметил воздействие на нее также литератур западных. Так, реализм в ее рамках находился под влиянием, причем весьма мощным, в первую очередь И. С. Тургенева, поддержавшего украинские рассказы Марко Вовчок, а позже – Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. На русском языке писала не только Марко Вовчок (и ранее создававший свои повести и ряд стихов Шевченко), но, к примеру, М. Старицкий (1840–1904), хотя как раз в драматургии эти влияния ощущались, по Чижевскому, слабее. Он особо отмечал воздействие русских писателей на Ивана Франко, в первую очередь его способность к рецепции вершин реализма, а также участие этого писателя из Львова в русскоязычных изданиях.

Как комментировали труд Чижевского его украинские коллеги? Ю. Шевелёв, рецензируя «Историю украинской литературы», писал: «Главные герои книги Чижевского – не народ и даже не писатели. Ее герои – стили»¹¹. Выделив шесть из них (монументальная литература Киевского государства – орнаментальная литература Киевского государства – стили

¹⁰ Барабаш Ю. «Если я забуду тебя, Иерусалим...». Гоголь и Шевченко. Сравнительно-типологические опыты. Харьков: Акта, 2003. С. 291.

¹¹ Шевелёв Ю. Вибрані праці у 2 кн. Київ: Дім «Києво-Могилянська Академія», 2008. Кн. 2. С. 540.

Ренессанса и Реформации – барокко – классицизм – романтизм), автор подчеркнул, что данная схема работает мощно, но в отношении не всех писателей. Так, Шевелёв считал, что его коллега неправомерно соотносит творчество Шевченко только с романтизмом, хотя его наблюдение о тождестве восторженно-народнических его истолкований с истолкованиями советскими правомерно. По его же мнению, у Шевченко имели место черты реализма и даже сюрреализма¹² – думается, это замечание справедливо. Нельзя не согласиться и с его заключением: «В книге Чижевского есть украинская литература, а не хождение вокруг нее. До книги Чижевского вообще нельзя было думать об истории украинской литературы»¹³. Как бы вторя ему, И. Дзюба писал о «непреодолимой ценности трудов Чижевского для украинской науки»¹⁴.

Национальная определенность культуры – задача, которую, согласно украинскому культурологу И. Лысому, до Чижевского разрешали в XIX в. немецкий психолог В. Вундт и философ Г. Коген, а одновременно с ними – М. Шелер и Н. Бердяев. Следует отметить, что и десятки советских ученых анализировали «национальную по форме, но социалистическую по содержанию» культуру. Большинство из них были, конечно, идеологически ангажированы, однако решали они эту задачу часто с повышенной продуктивностью, не опасаясь, что результаты научных исследований в этом направлении не будут опубликованы; достаточно вспомнить цикл работ Г. Д. Гачева о «национальных образах мира». Чижевский в истолковании означенной проблемы колебался между рационалистическими и романтическими установками, но в конечном счете склонялся к гегелевским, «отводя важное место национальной определенности культуры»¹⁵. Как раз вследствие такой панорамности видения Чижевскому удалось избежать этноцентричности.

В 1939 г. в Париже вышла книга Чижевского о Гегеле в России; она представляла собой часть большого исследовательского проекта «Гегель и славяне». Только в 2007 г. она была издана в Москве, открыв новую страницу в гегелеведении – страницу очень оригинальную, окрашенную спецификой славянской души.

Важны выявленные и зафиксированные Чижевским очень тонкие различия в рецепции Гегеля в России и на Украине. В первой его приверженцами становились главным образом дворяне, во второй – скорее поповичи

¹² Там же. С. 545.

¹³ Шевельов Ю. Вибрані праці у 2 кн. Кн. 2. С. 549.

¹⁴ Дзюба І. З криниці літ у 3 т. Київ: Україна, 2006. Т. 2. С. 659.

¹⁵ Лисий І. До проблеми національної визначеності культури: з досвіду Д. Чижевського // Філософська і мистецька культура / ред. І. Лисий. Київ: КМ Академія, 2004. С. 134.

(как профессор Киевского университета, а после запрещения Николаем I кафедры философии ставший цензором О. Новицкий (1806–1884), его ученик И. Михневич (1809–1885), С. Гогоцкий (1813–1889), уроженец Полтавской губернии П. Редкин (1808–1891), который вместе с Гоголем учился в Нежинском лицее, черниговец А. Рославский-Петровский (1816–1870)). В России же Гегель вдохновлял в основном дворян, искавших пути революционного преобразования империи. В их числе А. И. Герцен и М. А. Бакунин, пришедшие не без влияния идей немецкого мыслителя к проектам федерации славянских народов¹⁶. С критикой ряда идей Гегеля выступали славянофилы, склонные, по Чижевскому, к национальной (а в случае М. Н. Каткова – поначалу левого «гегелиста» (как писал И. С. Тургенев в романе «Отцы и дети») – к националистической) романтике.

Важно и то, что Чижевский указывал на опосредующее влияние в рецепции Гегеля со стороны других представителей немецкого идеализма, а также великих поэтов Германии. И показывал: восприятие творчества любого из них не носило характера прямого заимствования. На первый взгляд мысль тривиальная, но то, как содержание этого творчества «преображалось и переформировывалось» – а на современном языке можно сказать: переформатировалось, – показано Чижевским очень доказательно. Вот что он писал об этом феномене в «Нарисах»: «Тот “Шиллер”, который был так любим русскими и отчасти украинскими писателями, не так уж много общего имеет с подлинным Шиллером, тот “Гегель”, которым так увлекаются поляки или русские, тоже не есть полностью тем самым Гегелем, который имел такое влияние на западноевропейскую мысль. К тому же разные “влияния” приходили с западной Европы к славянам не одновременно – потому встречаем у славян *одновременно* рефлекс культурных явлений, которые на Западе отделены друг от друга годами и десятками лет; и, напротив, встречаем у них отдельные явления, вырванные из контекста, в котором они развивались в западноевропейском окружении <...>. Можно сказать, что так называемые западные влияния вызывали, развязывали у славян собственное и самостоятельное творчество, которое часто было не только *откликом*, но и *ответом* Западу (курсив и написание со строчной «западной Европы» – Чижевского. – Э.З.)¹⁷.

Исследователь И. Лысый отметил: «Чертами украинской ментальности Чижевский считает эмоционализм, из которого он как раз и склонен выводить “кардоцентризм” как “характеристическую” черту украинской мысли, а также

¹⁶ См.: *Задорожнюк Э. Г.* А. И. Герцен, Т. Г. Масарик и славянский вопрос // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С. А. Никитина. М.: Тезаурус, 2013. С. 721–747.

¹⁷ *Чижевський Д.* Філософські твори у 4-х тт... Т. 1. С. 105.

индивидуализм и подвижность духовной жизни, которые в значительной мере определяют уникальность украинской культуры, ее религиозность»¹⁸. Это и было бы так. Но если рассматривать все культурологические изыскания Чижевского, то, может, и в менее «значительной мере» указанные черты так или иначе присутствуют и в других культурах, к примеру, в чешской и русской. Достаточно вспомнить, как эмоционально-религиозно и даже «кардоцентрично» восприняли философию Гегеля носители русской культуры, причем в первую очередь – представители дворянства, что столь удачно описал тот же Чижевский. Более старшие и авторитетные украинские ученые также говорят об указанной интимности с похожей сдержанностью – даже малейших следов русофобии в его наследии не отыскать.

Действительно, Чижевский с глубоким уважением относился к современным ему проявлениям русской общественной мысли и отслеживал не только эмигрантские ее ответвления, но в ряде обзоров также то, как она сохраняется в СССР. В то же время он осуждал некоторые ее деформации, уравнивая, в частности, призывы к соборности в прошлом и к советскости в его времена с принципом стадности. При этом многие исследователи подчеркивали, что Чижевский оставался – не без русских влияний – потаенным социалистом со времен своего меньшевистского прошлого. В конечном счете, он уповал на то, что присущая украинской философии и идущая от Сковороды «кардоцентричность», переданная малороссом П. Юркевичем его великорусскому ученику В. Соловьеву, станет приемлемой и в чем-то доминирующей в русском философствовании в будущем. Нельзя сказать, что его ожидания в этом плане полностью оправдались, но намеченная этими ожиданиями линия в отечественной философии просматривается все четче.

Остается добавить, что на некоторых участках нынешней духовной жизни «бои за Чижевского» не только продолжаются, но и интенсифицируются. И выразить свою позицию: надо не столько сражаться за Чижевского, сколько его изучать.

Выше уже отмечалось сдержанное отношение к Чижевскому эмигрантов – носителей радикального украинства – в ранние годы скитаний ученого по Европе. Новые его носители прямо и косвенно обличают ученого в социокультурной нейтральности, постмодернистском безразличии, приверженности к этническому нигилизму и даже недостаточной «украинскости» его кардоцентрических идей. «Народный менталитет и дух нации» они трактуют крайне узко, не считаясь с тем, что Чижевский строго научно доказывал: без учета общеславянских и общеевропейских связей нельзя

¹⁸ Лисий І. До проблеми національної визначеності культури... С. 137.

представить эволюцию «духа» любой славянской нации. А если учесть его лично окрашенные контакты с востоковедами – украинцами по происхождению – А. Крымским и О. Прицаком, то и связей евроазиатских (но не евразийских). Для Чижевского плодотворная дифференциация и взаимное оценивание культур идут через расшифровку кода одной из них путем креативной сочетаемости с кодами других.

Имя Чижевского стало звучать именно сегодня, ранее не было большого интереса к его личности. Чижевский в наши дни пользуется широким признанием на Украине. В г. Александрии, где он родился, в его честь названа улица, в 1994 г. его имя присвоено Кировоградской областной библиотеке, а с 1999 г. Национальная академия наук Украины учредила премию его имени.

Что касается международного признания, – в Германии, в Марбурге и Гейдельберге, дело Чижевского продолжают его ученики и последователи – слависты и германослависты, включая работающего там В. Янцена. Оригинальные исследования его творчества ведутся в Польше и Чехии, в других славянских странах. В казавшемся столь негостеприимном Гарвардском университете его имя присвоено кафедре украинской литературы.

Обращение к наследию Чижевского в отечественной славистике только начинается. Следует отметить, что у него были, на мой взгляд, талантливейшие и равновеликие коллеги с двойной интенцией любви (фило): и к языку(логосу), и к мысли (софосу). Это в первую очередь его современник Г. Шпет (они вместе обучались феноменологии у самого Э. Гуссерля; оба были отмечены им как оригинальные исследователи), а позже – Г. Гачев и С. Аверинцев.

125-летний юбилей Дмитрия Ивановича Чижевского – прекрасный повод напомнить, что великий ученый-славист по определению аполитичен, а точнее – политичен лишь в выявлении продуктивности межкультурных связей. Даже само перечисление названий почти тысячи его оригинальных научных трудов, большинство из которых посвящено проблемам славистики, а значительная часть – украинско-русским культурным связям, является тому убедительным свидетельством.

Литература

Барабаш Ю. «Если я забуду тебя, Иерусалим...». Гоголь и Шевченко. Сравнительно-типологические опыты. Харьков: Акта, 2003.

Валявко І. Дмитро Іванович Чижевський: біографічний нарис // Дмитро Іванович Чижевський і його сучасники. Листи, спогади / ред. І. Валявко, О. Чуднов, В. Янцен. Кіровоград: Imeks-LTD, 2013. С. 23–88.

- Валявко І. Інтелектуальна біографія Дмитра Чижевського: спроба наукової ретроспективи // *Чижевський Д.* Філософські твори у 4-х тт. Київ: Смолоскип, 2005. Т. 1. С. XXIX–XXX.
- Дзюба І. З криниці літ у 3 т. Т. 2. Київ: Україна, 2006.
- Задорожнюк Э. Г. А. И. Герцен, Т. Г. Масарик и славянский вопрос // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С. А. Никитина / отв. ред. И. В. Чуркина. М.: Тезаурус, 2013. С. 721–747.
- Задорожнюк Э. Г. «Русской земли человек замечательный». К 200-летию юбилею Т. Г. Шевченко // Свободная мысль. 2014. № 2. С. 171–184.
- Лисий І. До проблеми національної визначеності культури: з досвіду Д. Чижевського // Філософська і мистецька культура / ред. І. Лисий. Київ: КМ Академія, 2004. С. 134–139.
- Нахлік Є. К. Доля – los – судьба: Шевченко і польські та російські романтики. Львів: Ліга-Прес, 2003.
- Федорів І. Внесок Дмитра Чижевського у розвиток європейського слов'янознавства // Україна-Європа-Світ. Міжнародний збірник наукових праць. Серія: Історія, міжнародні відносини / гол. ред. Л. М. Алексієвець. Тернопіль: ТНПУ, 2013. Вип. 12. С. 123–137. [online]. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Ues_2013_12_16 (дата обращения: 11.06.2018).
- Шевельов Ю. Вибрані праці у 2 кн. Київ: Дім «Києво-Могилянська Академія», 2008. Кн. 2.
- Юркевич П. Д. Философские произведения. М.: Издательство «Правда», 1990. С. 69–103.
- Blashkiv O., Mnich R. Дмитрий Чижевский versus Роман Якобсон // *Opuscula Slavica Sedlcensia*. Т. VI. Ed. R. Bobryk. Siedlce, 2016. [online]. URL: <https://repozytorium.uph.edu.pl/bitstream/handle/11331/1378/Opuscula-VI-29.11-1.pdf?sequence=1> (дата обращения: 13.11.2018).

References

- Barabash, Iu., 2003. “*Esli ia zabudu tebia, Ierusalim...*”. *Gogol’ i Shevchenko. Sravnitel’no-tipologicheskie opyty* [“If I forget you, Jerusalem ...”. Gogol and Shevchenko. Comparative and typological experiences]. Kharkiv: Act.
- Blashkiv, O., Mnich, R., 2016. Dmitrii Chizhevskii versus Roman Iakobson. In: Bobryk, R., ed., 2016. *Opuscula Slavica Sedlcensia*. Т. VI. Siedlce. [online]. URL: <https://repozytorium.uph.edu.pl/bitstream/handle/11331/1378/Opuscula-VI-29.11-1.pdf?sequence=1> (accessed: 13.11.2018).
- Dziuba, I., 2006. *Z krynytsi lit u 3 t. T. 2.* [From a well of years in 3 volumes. Vol. 2]. Kiev: Ukraina.
- Fedoriv, I., 2013. *Vnesok Dmytra Chyzhevs’koho u rozvytok ievropeis’koho slov’ianoznavstva* [Dmitry Chizhevsky’s contribution to development of the European Slavic studies]. In: Alexiyevets, L.M., ed., 2013. *Ukraina-Ievropa-Svit. Mizhnarodnyi zbirnyk naukovykh prats’*. Serii: Istorii, mizhnarodni vidnosyny.

- Ternopil': TNPU. [online]. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Ues_2013_12_16. (accessed: 11.07.2018).
- Lisyi, I., 2004. Do problemy natsional'noi vyznachenosti kul'tury: z dosvidu D. Chyzhevs'koho [To a problem of the national importance of culture: from D. Chizhevsky's experience]. In: Lisyi, I., ed., 2004. *Filosofs'ka i mystets'ka kul'tura* [Philosophical and artistic culture]. Kiev: KM Akademiia, pp. 134–139.
- Nakhlik, Ie.K., 2003. *Dolia – los – sud'ba: Shevchenko i pol'ski ta rosiis'ki romantyky* [Share- Los-Destiny: Shevchenko and Polish and Russian romantics]. Lviv: Liha-Pres.
- Shevel'ov, Iu., 2008. *Vybrani pratsi u 2 kn. Kn. 2.* [Chosen works]. Kiev: Dim "Kyevo-Mohylians'ka Akademiia".
- Valiavko, I., 2005. Intel'ektual'na biografiia Dmytra Chyzhevs'koho: sprobna naukovoї retrospektyvy [Intellectual biography of Dmitry Chizhevsky: attempt of a scientific retrospective]. In: Chyzhevs'kyi, D., 2005. *Filosofs'ki tvori u 4-k tt.* [Chizhevsky D. Philosophical compositions in 4 volumes]. Kiev: Smoloskip, pp. XXIX–XXX.
- Valiavko, I., 2013. Dmytro Ivanovych Chyzhev'skyi: biografichnyi naris [Dmitry Ivanovich Chizhevsky: biographic sketch]. In: Valiavko, I., Chudnov, O., Iantsen, V., eds, 2013. *Dmitro Ivanovych Chyzhevs'kyi i ioho suchasnyky. Lysti, spohadi* [Dmitry Ivanovich Chizhevsky and his contemporaries. Letters, memoirs]. Kirovograd: Imeks-LTD, pp. 23–88.
- Iurkevich, P.D., 1990. *Filosofskie proizvedeniia* [Philosophical Works]. Moscow: Izdatel'stvo "Pravda", pp. 69–103.
- Zadorozhnyuk, E.G., 2014. "Russkoi zemli chelovek zamechatel'nyi". K 200-letnemu iubileiu T.G. Shevchenko ["Russian land of people remarkable". To 200-year anniversary of T.G. Shevchenko]. *Svobodnaia mysl'*, 2, pp. 171–184.
- Zadorozhnyuk, E.G., 2013. A. I. Gertsen, T. G. Masarik i slavyanskii vopros [A.I. Herzen, T.G. Masarik and Slavic question]. In: Churkina, I.V., ed., 2013. *Slaviane i Rossiia: K 110-letiiu so dnia rozhdeniia S. A. Nikitina* [Slavs and Russia: To the 110-th anniversary of the birth of S.A. Nikitin]. Moscow: Thesaurus.